

УДК 1/14

ПРОЦЕССЫ ДЕПЕРСОНАЛИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕКА В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЙ «ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА»

Л. В. Мурейко

Проводится сравнительный анализ исследований «искусственного интеллекта» и массового сознания, «умной машины» и человека масс.

Ключевые слова: Искусственный интеллект, рациональность, массы, деперсонализация.

Сегодня многие специалисты, исследующие природу искусственного интеллекта, называют следующие характерные особенности, которые приблизили бы его к естественному: 1) наличие собственной модели внешнего мира, что обеспечивает системе ее неповторимость, относительную самостоятельность в оценке ситуации; 2) способность пополнять имеющиеся знания и конструировать информационную структуру с новой семантикой и практической направленностью; 3) умение адекватно действовать в ситуациях, связанных с различными аспектами неопределенности; 4) способность к диалоговому взаимодействию с человеком, включая понимание естественного языка; 5) способность к адаптации.

Особенно первый из вышеперечисленных признаков является камнем преткновения для единодушного согласия в признании права искусственного интеллекта быть аналогом естественного. По характеру ответа на вопрос «способны ли машины мыслить, аналогично человеку?», исследователей искусственного интеллекта можно условно разделить на две группы. Первую составляют «оптимисты» или сторонники концепции «сильного искусственного интеллекта». Вторую – «пессимисты» или сторонники концепции «слабого искусственного интеллекта». Представители первой группы убеждены в том, что человеческое сознание со всей его субъективностью можно «без остатка» свести к вычислительным моделям и с их помощью объяснить его суть. Представители второй группы считают принципиально не осуществимым совпадение искусственного интеллекта и естественного.

По сути противопоставленность этих двух подходов к пониманию возможностей моделирования человеческого сознания отражает такое состояние познания природы человеческой разумности, при котором еще не выявлен принцип сочетания в ней двух сторон получения знаний: *смысловой* и *технической (функциональной)*.

Дж. Серл, осмысливая проблему создания искусственного разума, сходного с человеческим, полагает, что, овладевая специальными программами, настраиваемыми на формальное оперирование символическими образованиями,

искусственный интеллект способен создавать иллюзии мощной мыслительной активности, многократно превышающей возможности человеческого разума. Однако *это всего лишь иллюзия*, поскольку всю работу по наполнению формальных знаковых структур социально значимым содержанием, *непрерывно пропущенным через индивидуальность*, берет на себя человек. По Серлу, есть два вида смыслообразования: 1) социальный и 2) индивидуальный. В человеческом существовании они тесно переплетены. Искусственный интеллект – аналог первому, стремящемуся к управлению и организации (программированию) средствами технической формализации. Но воспроизвести второй для него – дело безнадежное. Первый вид смыслообразования осуществляется интеллектом. Вторым – сознанием. Создание кибернетического аналога интеллекту – возможно, сознанию – нет: «...проект программирования компьютера называется «искусственный интеллект», и, когда он действует, компьютер порождает интеллект, поскольку выполняет правильную компьютерную программу с правильным вводом и выводом данных» [1, с.51]. Для человека, обладающего сознанием, характерна индивидуальная проработка общезначимых правил: ядром сознания является самосознание. Филигранной отточенности индивидуального, самостоятельного мышления способствует чувственность. Эти мысли Д.Серла в определенном смысле перекликаются с идеями теории сознания М.К.Мамардашвили, который образно заметил: «...понимать можно только самому, ... никто вместо тебя понимать не может. Так же, как не может вместо тебя умирать» [2, с.36]. Напрашиваются некоторые аналогии также и с идеей А.Ф.Панкина о том, что действительное понимание предельно оптимальной числовой организации требует художественного мышления [3, с. 170-178], которое невозможно без включения человеческой индивидуальности. Сторонники концепции «слабого искусственного интеллекта», исходя из того, что ЭВМ оперируют информацией, которая сама по себе не имеет смысла. *Выбор* той или иной информации, осуществляемый человеком, в значительной степени обусловлен его особой природной и социальной организацией, включая и индивидуальную субъективную мотивацию в определении значимости воздействий внешней среды. Д.Чалмерс, в этой связи отмечает, что именно субъективная реальность в человеческом существовании способствует расшифровке мозговых нейродинамических кодов психических явлений. А.Ф.Зотов, отталкиваясь от идей М.Хайдеггера, утверждает, что мышление не сводимо к выработке оперативных знаний функционально полезного для жизни хотя бы потому, что без фундаментального знания смысла бытия, мы не знаем, что для нас действительно полезно, а что – нет.

Д.Деннет, – признавая *невозможным постижение человеческой субъективности как таковой*, уходящей корнями в общественно-исторические глубины смыслообразования, предлагает рассматривать сознание с позиции функционально-прагматического подхода. В этой связи он отмечает, что *специфика сознания – в его рациональности как программируемости, т.е. способности адекватно реагировать на коды (социально обусловленные алгоритмы жизнедеятельности)*. Современное т.н. массовое общество с его тенденцией глобализации (возможности мгновенной связи людей в планетарном масштабе),

имеющее для этого колоссальный ресурс информационных технологий, согласно такой позиции, делает особенно очевидной программируемость человеческого существования. Уже в ближайшем будущем многие ментальные состояния, как, например, боль, вожделение, можно будет контролировать и изменять посредством высоких технологий без того, чтобы знать их субъективную природу. В русле позиции Деннета, вопрос о роли субъективных процессов в рациональном поведении звучит так: если в ходе эволюции возникла необходимость сознания боли, чтобы обратить внимание на здоровье и выправить его, то почему боль должна болеть так больно? Эту ситуацию вполне может откорректировать искусственно запущенная программа, которая без боли сможет контролировать самосохранение индивида. Наиболее совершенной формой антропогенеза, согласно этой позиции, является способность оперировать «чистой» (функционально-продуктивной) информацией, алгоритмами сознания, ведущими к успешной деятельности, нейтрализуя усложняющие этот процесс субъективные состояния человека.

По результатам исследования вопроса о фундаментальной природе человеческого сознания, американский философ делает парадоксальный вывод: не только искусственный интеллект, но и человек не обладает знанием индивидуального, субъективного. Искусственный интеллект подобен человеку, но не потому, что он способен держать под индивидуальным контролем общезначимые смыслы, а потому, что он, как и человек, таким свойством не обладает.

Человек, согласно этой концепции, *притисывает* субъективные оценки себе и другим. Критерий «систем сознания» – интенциональная установка. «Интенциональная установка – это такая стратегия интерпретации поведения объекта (человека, животного, артефакта, чего угодно), когда его воспринимают так, как если бы он был рациональным агентом, который при «выборе» «действия» руководствуется своими «верованиями» и «желаниями» [4, с. 33].

Согласно Деннету, субъективное состояние у человека есть, НО само по себе оно **нейтрально** по отношению к различным смыслам. Его индивидуальная смысловая интерпретация окружающего мира определяется ситуацией, но главное – влиянием общества.

Фундаментальная значимость создания искусственного интеллекта состоит прежде всего в том, что он создал ситуацию «семантической ловушки» для непознанных сторон человеческого разума. Выяснилось, что понятие разума (и в целом – рационального способа самореализации человека) еще недостаточно изучены. Среди других достижений НТП феномен искусственного интеллекта заострил ситуацию, когда человек оказывается «дискриминирован» машиной. Машина, которой хотят доверить все иррациональное, «являет» человеческому сознанию его неспособность понять это. Унифицированность в ее крайних выражениях оборачивается безудержной многоликостью. Это хорошо видно на примере функционирования Интернета, который способствует общению инкогнито: без лиц. Виртуальное существование позволяет приобрести «новое тело», которое прозрачно. Будучи «без лица», человек многолик: он может поменять пол, внешность, возраст, национальность. Его сложно идентифицировать.

В философском плане проблема искусственного интеллекта – это проблема поиска не только общей архитектуры интеллектуального действия, выраженной в виде понятий, теорий, концептов, стереотипов, архетипов и т.п., но и операциональных, инструментальных *инвариантов* поведения человека, а также выявления интеллектуального ресурса его действий и установления характера границ (пределов) восприятия и усвоения информации. Основная функция интеллекта в его отношении к информации – адаптивность к среде, для которой характерна *неопределенность*, включая ситуации неясности способа объяснения события и стратегии поведения из-за большого числа альтернатив. Исходная основа интеллектуального действия – нерелексируемая смысловая база аксиоматического характера, которая содержит ясное, очевидное, привычное знание, не подвергающееся сомнению.

Одним из важнейших аспектов философского исследования вышеуказанной проблемы является феноменологический подход к анализу основ рациональности человеческих действий. В этом контексте не утрачивают своей актуальности идеи Г.Гуссерля о феноменальности актов сознания, скрывающего за содержательно-предметной очевидностью смысловую деятельность, обусловленную особым взаимоотношением индивидуального опыта и Другого (интерсубъективностью) «жизненного мира». Несомненный эвристический потенциал для исследования этой проблемы содержат и размышления М. Хайдеггера о связи осознанной смысловой определенности явлений мира с поиском человеком своей «самости» через состояния «тап» (любой) и «срединности». Неисчерпанными до дна оказываются и исследования А.Шюца, Ж.Бодрийяра и М.Фуко, – каждый со своей методологией, – вскрывающие социальные механизмы «полной прозрачности вещей» в связи с провокацией индивидов на публичное обнаружение их изначально скрытой, интимной жизни. Также продуктивными в этом отношении являются идеи Ж.Делеза о самой возможности процедуры различения единиц существования через их повторения и индифферентность.

Дальнейший философский анализ феномена изначально неосознаваемой антропологически смысловой нагруженности предметного мира, возможно, будет востребован современным естествознанием. В биологии, когнитивной психологии ведутся исследования с попыткой ответить на вопрос: могут ли живые существа, имеющие разное функциональное устройство и потому не способные выполнять один и тот же алгоритм, быть преобразованными по модели такой “адаптивной” системы как “единый когнитивный компьютер”? При этом применительно к представителям человеческого рода нет единого мнения по поводу того, будет ли такая функциональная рациональность стоять над всем ментальным опытом, включая аксиоматические установки, верования, или же она станет существовать в качестве гибкой формы действия в гетерогенных информационных потоках, имеющих некоторые ограничения, в том числе и ментальные[5, с. 49-92].

Вопрос о расширении возможностей людей как разумных существ, в конечном счете, упирается в проблему фундаментальных ограничений любого рационального действия, без чего невозможно понимание его природы. Что представляет собой заложенный в фундаменте человеческой рациональности

“семантический примитив” и существует ли механизм его “сдвига”? Являются фундаментальные ограничения по преимуществу врожденными или приобретенными? Возможно ли их содержательное понимание или же они подвластны лишь функциональной репрезентации? Существуют они по принципу магистрального противостояния бинарных оппозиций или же их поливариантной реверсивности?

Нельзя не согласиться с Г.Тардом и другими классиками социологических и социально-психологических исследований общества, когда они высказывали свое убеждение в том, что все конкретные социальные нормы, ценности базируются на фундаментальных, сложных, во многом неосознаваемых установках-верованиях, возникающих на основе исторического опыта больших объединений людей (масс). Х.Ортега-и-Гассет неоднократно обращался к образу «человека-машины» для обозначения способа восприятия и трансляции фундаментальных знаний представителя масс.

Французский социолог С.Московичи, опираясь на классику в исследовании массовидных явлений, справедливо замечает, что в современных социальных теориях обычно никак не отражается тот факт, «что в сердцевине общества обнаруживается масса» и, будучи неосознанной, «она представляет собой основной материал любых политических установлений, потенциальную энергию всех социальных движений» [6, с. 109]. По своему значению для общества человеческие массы Московичи сравнивает с аристотелевской “материей” в том смысле, в котором она рассматривается именно в качестве *многовариантной возможности* в реализации конкретных форм существования – как глина для гончара.

При внимательном изучении классификации основных концепций масс, предложенной Д.Беллом [7, с. 22-25], можно выделить среди них две основные тенденции. В русле одной из них – массы понимаются как общность унифицированных, автоматически и стереотипно мыслящих и действующих людей. В русле другой -- массы рассматриваются как множество людей, отчужденных друг от друга, неспособных к интеграции. Их трудно идентифицировать, поскольку отсутствует общее основание для различия. Американский социолог Г.Блуммер, различая толпу и массу, последнюю в противовес первой представляет в виде некоего **«конгломерата индивидов, которые обособлены, изолированы, анонимны»**, поскольку находятся под влиянием очень широкого пространства активного географического и социально-культурного перемещения современного человечества. По отношению к этому пространству правила локальных культур и сфер не работают. Миграции, разнородная и зачастую противоречивая информация из газет, радио, кино, образования – все это способствует тому, что индивиды срываются с якорей привычных правил и бросаются в новый, неизвестный, неупорядоченный для них мир. И в этих условиях, чтобы выжить, человек массы, согласно Блуммеру, не только не лишается своего самосознания, но наоборот, способен довольно сильно обострить его. В этом плане анонимность персоны – эффективный способ мгновенной реакции индивида на самые разные раздражители, на саму ситуацию неопределенности.

Однако не только усложнение и динамика современной жизни актуализируют *анонимный* способ реализации индивидуального. «Микрофизика власти» Фуко обращена к множеству простых, ничем не примечательных людей, обывателей. В «Воле к знанию» он утверждал: неизвестно на что способен человек, «пока он жив» как совокупность «сопротивляющихся сил» по отношению к попыткам формализовать его самореализацию. В работе «Жизнь подлых людей» отмечается, что жизнь «маленьких», безмянных (с точки зрения тотальной власти) людей, с одной стороны, является наиболее удобной для управления ею. Но с другой стороны, пишет Фуко: «Я исходил из существования этого *подобия частиц, заряженных тем большей энергией, чем меньше они сами и чем труднее их различить* (выделено мной – Л.М.)» [8, с. 7,8]. В этом случае их возможности «освободиться от себя» как запрограммированных общезначимым социальным дискурсом, «затеряться» и остаться незамеченными для дисциплинарных практик -- на порядок выше по сравнению с выдающимися персонами.

Итак, стереотипы мышления и поведения не уничтожают полностью индивидуальное. Оно при этом, трансформируясь, принимает иной, анонимный способ существования. Поэтому трудно однозначно согласиться с Ж.Бодрийяром, утверждающим, что массы, главная характеристика которых «власть нейтрального» и существование в качестве «нулевого субъекта», -- это «Черная дыра, куда проваливается социальное» [9, с.44, 45]. В массах есть и другая сторона их существования: быть *естественным* корректором чрезмерной склонности общества к технически искусственной «правильности» образа жизни людей, приводящей к его стандартизации.

Отметим, деперсонализация людей в условиях информационного, по сути, массового общества предполагает не только их унификацию. Массовидность современного общества содержит в себе такой способ человеческой самореализации, при которой строгая социальная регламентация сведена к минимуму, но при этом активизируется именно «средний человек», нейтрализующий свою индивидуальность.

Так что же представляет собой перспектива человека современного массового общества с развитием информационных технологий и возможным сближением естественного интеллекта с искусственным? Присмотрится ли история к сценариям, с горечью написанным Ж.Бодрийяром, или предпочтет модель будущего, предложенную М.Фуко? [10, с.404] Ответ на этот вопрос во многом зависит от исследовательского продвижения на пути понимания феномена деперсонализированного человека, когда его индивидуальность и субъективность не исчезают, а трансформируются, приобретая еще недостаточно понятные качества.

Список литературы

1. Серл Д. Открывая сознание заново. – М.,Идея-Пресс 2002. – С.51.
2. Мамардашвили М. Лекции о Прусте. – М.:Ad Marginem, 1995. – С.36.
3. Панкин А.Ф. Число как искусство// Сб.науч.трудов «Языки науки – языки искусства»/ под ред. Журавлева З.Е. – М.: Ин-т компьютерных исследований, 2004. – С.170-178.
4. Деннет Д. С.Виды психики: на пути к пониманию сознания. – М.: Идея-Пресс, 2004. – С.33.
5. Pylyshyn Z.W. Compyting in Cognitive Science // Foundations of Cognitive Science. A.Bradford Book. The MIT Press. Cambridge. Massachusetts, London, England, 1989. 1990. S. 49-92.

- A. Bradford Book. The MIT Press. Cambridge. Massachusetts, London, England, 1989. 1990. – S. 49-92.
6. Московичи С. Век толп. – М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. – С.109.
  7. Bell D. The End of Ideology. – Glencoe, 1964. P.22-25.
  8. Делез Ж. Фуко. – М.:Изд-во гуманит. Лит-ры, 1998. – 226с.
  9. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2000. – 96с.
  10. Фуко М. Слова и вещи». – СПб., 2004. – 600с.

Л.В.Мурейко. Процеси деперсоналізації людини у інформаційнім суспільстві у контексті дослідження “штучного інтелекту”.

Проводиться порівняльний аналіз досліджень штучного інтелекту та масові свідомості, “розумної” машини та масової людини.

Ключові слова: Штучний інтелект, раціональність, маси, деперсоналізація.

Larisa Mureyko. Depersonalization processes in informational society in terms of «artificial intelligence» researches.

The article presents comparative analysis of «artificial intelligence» and mass consciousness, “clever machine” and person of mass studies.

Keywords: Artificial intelligence, rationality, mass, depersonalization.

Поступило в редакцію 03.09.2007